

Соловьев А.И.

Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации

Политическая стабильность традиционно представляет собой одну из наиболее значимых целей и ценностей как властвующего режима, так и социума в целом. Ведь именно это состояние политических связей и отношений дает возможность властям не только воспроизводить свои лидирующие позиции, сохраняя должную легитимность и повышая управляемость социальными процессами, но также и обеспечивать положение дел, при котором рядовые граждане имеют возможность широко пользоваться позитивными последствиями государственного порядка, безопасного жизнепрепровождения и т.д.

Однако, несмотря на внешнюю банальность и очевидную однозначность понятие «стабильности» представляет собой весьма относительную, а главное – разнородную характеристику политического процесса. Так, ряд ученых трактуют ее то как способность политического организма к самосохранению в условиях, угрожающих его существованию [1, 687], то как результат проявления качеств политических администраторов к эффективному управлению [2, 342], то как форму легитимности власти [3] и т.д. Понимаемая же как отсутствие нестабильности, эта характеристика предполагает целый спектр состояний политической материи: от отсутствия войн на той или иной территории и угрозы внешней экспансии до наличия определенных социальных показателей, обуславливающих привычный уровень жизни населения и воспроизводство сложившегося характера общественных отношений.

Не углубляясь далеко в дискуссию о природе стабильности и несколько огрубляя данное понятие, отметим, что в любом случае (т.е. независимо от характера легитимности власти) она характеризует собой сбалансированное состояние как внутри, так и внешнеполитических отношений. При этом, отражая определенную уравновешенность в соотношении сил, стабильность дает возможность использования политических механизмов как для сохранения достигнутого положения, так и для расширения предпосылок функционирования власти и общества. В этом смысле стабилизация дает возможность соединять проективные и репродуктивные технологии властвования, сочетать формы укоренения достигнутых результатов со способами инициации политических отношений. Причем с точки зрения политгенеза, задающего некий нормативный формат в интерпретации стабильности, явно просматривается такое ее толкование, которое сопрягает политическое настоящее не с будущим как таковым, а с формами будущего развития. Таким образом – что особенно заметно в долгосрочной перспективе – критерии стабильности неразрывно сопрягаются с осуществлением властью позитивных для общества реформ и преобразований. В этом плане одновременно справедливо и другое утверждение: неумение контролировать изменения в политическом пространстве либо ведет к нестабильности, либо означает саму нестабильность.

Однако нельзя не учитывать, что перспектива развития власти и общества сочетается не со всеми типами стабильности. Более того, последняя может не просто тормозить осуществление перспективных для общества преобразований, но и предполагать изменения, обладающие негативными последствиями как для самой власти, так и для социума в целом.

Но как бы то ни было, по природе своей стабильность не препятствует даже системным трансформациям в обществе, акцентируя, тем самым, внимание не столько на целях, сколько на темпах и характере их осуществления. Главное, что стабильность предполагает сохранение пороговых значений конкретной политической системы, а

наиболее общим знаменателем идущих преобразований является отсутствие нелегитимного насилия и осуществления реформ без учета мнений населения. Таким образом любые трансформации, независимо от их социальной направленности, выходящие за рамки этих параметров политического порядка, предопределяют дестабилизацию власти и общества.

Учитывая пороговые значения стабильности, нельзя не отметить и то, что она затрагивает не все, а только определенные политические связи и отношения, касающиеся взаимоотношений двух основных игроков на политической сцене – элитарных и неэлитарных слоев общества. Именно их определенные действия и детерминируют те черты организации власти, которые обеспечивают целостность социума, возможность выполнения политической системой своих властных функций, сохранение легитимного политического режима. Различного рода связи элитарных и неэлитарных групп дают возможность различать и масштабы стабильности, затрагивающей как макро-, так и микроотношения этих политических акторов.

К наиболее важным критериям их активности специалисты относят: сохранение сложившейся системы правления и легитимности власти; утверждение гражданского согласия и социального мира; обеспечение управляемости социальными процессами; поддержание баланса политических сил на основе конституционного порядка; гибкое использование властью силовых средств принуждения; соблюдение доминирующих в обществе традиций; поддержание устойчивых отношений власти с оппозицией и т.д.

В то же время понимание данных критериев стабильности как результатов (показателей) поведения крупнейших политических акторов неизбежно предполагает и констатацию ее социокультурной обусловленности. Ибо именно привычные для них стандарты и стереотипы публичности, доминирующие нормы, убеждения и ценности, значимые традиции и образцы поведения, да и вообще представления о допустимом и недопустимом в политике и являются тем фундаментом, который задает отношение этих политических игроков к политическим реалиям, а, следовательно, и способствует выстраиванию их целенаправленной деятельности в сфере власти. Так что стабильность не может не пониматься как результат воплощения присущих важнейшим политическим акторам социокультурных характеристик, следствие их приверженности тем или иным образцам политического мышления и действия.

Зависимость политической стабилизации от социокультурной оснащенности акторов существенно уточняет понимание условий ее формирования, поддержания и перспектив использования. В этом смысле даже институциональные факторы обретают достаточный уровень проблематичности, ибо протестная активность населения может разрушать функционально-ролевые основания власти по внешне мало мотивированным основаниям. К примеру, эффективность управления в ряде случаев не является достаточным условием для сохранения того или иного правительства. И только по причине его слишком долгого нахождения у власти, провоцирующего потребность населения в созерцании новых лиц на политическом олимпе. Или же посмотреть на процессуальный характер формирования стабильности. В данном случае становится заметным, что даже разрушение структурных оснований стабилизации – например, путем осуществления реформ, подрывающих основания действующей системы власти – также может не вызывать никаких реальных потрясений, поскольку население какое-то время способно терпеть даже разрушительные новации, просто потому, что надеется на лучшее будущее.

Конечно, у политико-культурных факторов существуют свои пределы влияния на стабилизацию властных отношений. Так, культура не может компенсировать длительные качественные изменения в организации политической системы, полное изменение конституционного устройства или какие-либо иные принципиальные подвижки в организации власти. Однако, в рамках своих принципиальных значений –

например, в границах осуществления базовых ценностных ориентаций элитарных или неэлитарных групп – они способны продуцировать дополнительные источники сбалансированности деятельности режима и общества граждан.

И все же констатируя фундаментальное значение ценностно-ориентационных (культурных) оснований субъективно ориентированной деятельности акторов, можно утверждать, что социокультурные параметры – это одновременно и специфический фактор, и базовое условие, и механизм поддержания стабильности. И в этом плане, пожалуй, самый важный вывод из сказанного состоит в том, что зависимость от социокультурной оснащенности политических акторов усиливает относительный характер стабильности и превращает ее в и ситуативное свойство политической жизни.

Строго говоря, в этом смысле, она может даже утрачивать значение базовой политической ценности, уступая место иным предпочтениям акторов. Например, установка на проведение тех или иных преобразований, сохранение власти, образование разнообразных политических союзов и т.п. могут даже не предполагать сохранение стабильных политических отношений. Более того, принимая в расчет известную непроницаемость «культурных объектов» для политического анализа, многие параметры стабильности становятся мало прогнозируемыми и не поддающимися рациональному толкованию.

Важно также и то, что с позиций социокультурной детерминации политической стабильности последняя обретает свои реальные очертания только путем сравнения с предшествующими этапами политической эволюции, причем в конкретном политико-культурном пространстве. Иными словами, источники, свойства и перспективы стабильности можно понять только в однородном политико-культурном пространстве конкретного социума. С одной стороны, такой подход дает возможность констатировать, что социокультурные факторы и предпосылки, способные дестабилизировать какое-то конкретное государство, могут не играть такой роли в другом политическом пространстве. С другой стороны, учитывая специфику и даже уникальность этого круга явлений, стабильность в любом, в том числе и в российском, обществе можно измерять и прогнозировать только сравнивая ее параметры с предшествующими этапами эволюции воплощающей тот же тип национальной политической культуры государственности. Поэтому, как справедливо указывает А.С. Макарычев, стабильность, хотя это и «многомерное» явление, должна описываться в «компаративных категориях», то есть предполагать сравнение с состояниями политического режима или системы, в котором она функционировала раньше [4, 156].

В этом плане крайне важно видеть, что в контексте той или иной политической системы к названным двум социокультурным формам ролевой (элитарной и неэлитарной) оценки и диагностики событий, проектирования собственных действий в системе власти добавляется и третий социокультурный фактор, а именно – общая политико-культурная атмосфера, внутренний климат, та конкретно-историческая духовная среда, которая по-своему преломляет (усиливает, ослабляет, резонирует и т.д.) социокультурную детерминацию политических акторов. Обладая более институциональным и рутинизированным характером по сравнению с ценностно-мотивационными культурными факторами, эта среда может эволюционировать даже в противоречии со сложившимися институтами политической системы и даже задаваемыми ими ограничениями функционирования власти.

Однако, несмотря на свое существенное влияние, культурная среда как относительно статичная величина обладает явной зависимостью от социокультурной оснащенности элитарных и неэлитарных групп, которые находятся в состоянии перманентной внутренней динамики, того или иного обновления, воспроизводства присущих им ценностей и стандартов. В данном аспекте социокультурное измерение

стабильности дает возможность увидеть, что формирование того или иного типа сбалансированности отношений власти и общества – даже в рамках той или иной культурной среды – прежде всего основывается на сочетании двух видов соответствующей детерминации: с одной стороны, заданной ценностными предпочтениями властвующих кругов (и тем самым формирующими те параметры режима, которые входят в зону ответственности правящего класса), а с другой – обусловленной настроениями и мнением общественности (т.е. той части населения, которая проявляет активность в публичной сфере жизни и от позиции которой зависят иные параметры сбалансированности политических отношений).

Таким образом, со структурной точки зрения стабильность предполагает сочетание тех параметров организации власти, которые выражают соответствие между стилем правления (задаваемым предпочтениями правящих кругов) и реальными настроениями и ценностными побуждениями общественности, что в конечном счете и предполагает ту или иную степень интеграции власти и общества.

В силу этого и понятие «стабильности» в смысловом отношении проецируется на отображение ведущих норм и стандартов политической культуры общества, в основном обеспечивающих вертикальные отношения между властью и обществом. При этом социокультурная диагностика дает возможность качественно градуировать состояние этих связей, акцентируя внимание на тех их параметрах, изменение которых детерминирует то или иное отклонение отношений власти и общества от привычных, и в этом смысле нормативных для той или иной политики системообразующих норм и стереотипов взаимодействия.

В этом смысле следует признать, что и режим, и общественность обладают собственными – детерминируемыми социокультурными основаниями их активности – возможностями, ресурсами и технологиями обеспечения стабильности. Причем в зависимости от характера политических отношений эти ресурсы могут существенно изменять свое влияние, удельный вес и даже перспективы воздействия в будущем. Если взять в качестве примера исторический процесс становления информационного общества и, как следствие, обретения политикой своей медиаформы, то можно увидеть активное мультиплицирование культурных стандартов населения, обуславливающих возникновение разнообразных политических потоков, тяготеющих к индивидуально-частным взаимоотношениям граждан с властью. В результате, получая возможность наряду с правящими кругами создавать значимые для власти интеллектуальные продукты, гражданское (массовое) общество значительно выравнивает баланс культурных инициатив с элитарными группировками. Поэтому, несмотря на усиление диверсификации политических взаимоотношений элитарных и неэлитарных групп (хотя и при общей деполитизации власти), а, следовательно, и повышение разнородности публичной сферы общественная стабилизация (а также ее качество) существенно повышается.

В то же время в системах переходного типа и, в частности, в российском обществе социокультурные условия сохранения стабильности довольно специфичны и не обладают таким однозначно заданным вектором развития.

Так, с одной стороны, следует признать, что по сравнению с предшествующими этапами новейшей политической истории в стране отсутствуют былые признаки политических конфликтов, способные «обвалить» правящий режим. Конституировались и обретают институциональное закрепление взаимоотношения ведущих политических игроков, которые, собственно, и стабилизируют систему власти. Практически вытеснены на политическую периферию оппозиционные силы и структуры. Подавлены формы агрессивного политического участия. Так что в целом в обществе сегодня отсутствуют сколько-нибудь значимые причины для возбуждения

массовой протестной активности, изменения функций институтов власти и потрясения ее основ.

Причем трудно сказать, играют ли в этом процессе ведущую роль собственно институциональные факторы и предпосылки, либо состояние политических отношений такого рода обусловлено влиянием политико-культурных стандартов правящего класса и широких социальных слоев населения. Ведь, что касается последних, то хорошо известны стабилизационные эффекты, которые на протяжении многих десятилетий создавали известные нормы и стандарты «бытового этатизма», «жертвенности», «исполнительства», этакой общей «притерпелости» людей к жизни, их не заинтересованности в более-менее систематическом контроле за правящими кругами, а также ряд иных, хорошо описанных в научной литературе свойств традиционалистской политической культуры. Именно эти черты российского «человека политического» органично вписались и в современный политический континуум, способствуя воспроизведению его базовых параметров.

Причем характерно, что в данной культурной среде даже факты массовой задержки заработной платы, нарастание нищеты (так, к примеру, с формальной точки зрения российское общество давно перешагнуло формальные ограничения пороговых значений стабильности, то есть т.н. «красную линию», фиксирующую минимально необходимый уровень социально-экономических показателей жизни населения) и другие аналогичные явления не переходят границу публичных отношений, пребывая в области дополитической презентации, строящейся на принципах социальной самоорганизации. Сложившаяся стабильность «гасит» политические возмущения даже культурно-идеологического раскола в обществе, еще совсем недавно инициировавшего агрессивное поведение «коммунистов» и «демократов», «фашистов» и «антифашистов» и т.д.

Следует признать, что этатистские и патромониальные ориентиры являются ведущими стандартами не только элитарных, но и значительных массовых слоев граждан. И именно по этой причине массовая политическая культура в конечном счете демонстрирует высокий уровень адаптации к данному режиму, который не создает власти никаких крупных проблем. Привычный для этих стандартов российского населения высокий уровень внутренней сопричастности решению социальных проблем сочетается с катастрофически низким уровнем практической активности граждан. Например, в некоторых регионах страны с 1996 г. по настоящее время наблюдается тенденция, демонстрирующая практическое совпадение численности политического класса (т.е. тех, кто – вместе со своими семьями – выдвигается в органы власти) с электоратом (т.е. теми, кто за них голосует).

Конечно, сложившееся положение во многом объясняется внутренней сориентированностью большинства населения на цели экономического благополучия и даже выживания, так или иначе дистанцирующих значительную часть населения от участия в публичной жизни. (Причем такую ориентацию можно описывать и более широкими понятиями, характеризующими переход населения от стандартов дефицитной экономики к нормам потребительства, которые ряд ученых и, в частности, Д. Белл, рассматривают как один из основных культурных ориентиров капитализма). Понятно также и то, что в данной среде даже нарастание материальной дифференциации ослабляет групповую солидарность и люди не всегда способны отразить угрозы и риски прямого политического насилия. И все же нельзя не признать, что даже на этом фоне политико-культурный потенциал российского общества демонстрирует удивительные резервы прочности, которые сполна используются правящим режимом.

Однако, констатируя прочность сбалансированных диспозиций между политическими акторами, нельзя не задаться вопросом о характере сложившейся в

обществе стабильности. Стабильности, которая оформляет особый тип и отечественного политического процесса, и сложившейся системы правления. В современной литературе на этот счет имеется множество оценок, которые, на наш взгляд, в основном используют понятийный аппарат транзитологии, рассматривая политический режим и специфику изменений в контексте становления тех или иных форм организации власти. Если же посмотреть на морфологию многообразных конфликтов и форм конкуренции за власть, то можно увидеть, что в современном российском обществе сложилась двойственная, параллельная структура политического процесса, при которой элиты используют институты власти по преимуществу в собственных целях, а массы отчуждены от политических механизмов защиты собственных интересов и пытаются использовать для этого другие социальные возможности и структуры.

Исходной причиной установления такого порядка стал утвердившийся в обществе корпоративный стиль правления, свидетельствующий как о «выпадении» элитарных кругов из механизмов представительства интересов граждан, так и сориентированности властей по преимуществу на частно-групповые (клановые, олигархические, клиентелистские и проч.) потребности в использовании политических структур. В целом можно сказать, что центральным ядром этой системы власти, закрепляющим внутреннюю разорванность поля российской политики стал бюрократически-корпоративный элитизм.

Но этот бюрократически-корпоративный элитизм – не просто институциональное, но также и политико-культурное основание сложившейся политической системы. Его воспроизводство в российском социуме в значительной степени основано на доминирующем влиянии стандартов культуры власти правящего класса. И хотя правящая элита представляет из себя небольшую и весьма нетипичную часть населения (и это понятно, поскольку эти люди не только занимаются особой профессиональной деятельностью, но и являются выходцами из образованных слоев, обладая при этом неоспоримыми личными достоинствами), ее политико-культурные свойства непосредственно наследуют ценности, нормы, стереотипы, стандарты, предрассудки и традиции, характерные хорошо известной советской номенклатуре.

Отношение к гражданам, как к своим подчиненным, постоянное тяготение к расширению своих прерогатив и снижению подконтрольности со стороны общества, стремление к подмене служебных межличностными отношениями, склонность к формализму и отношению к государственным ресурсам, как к своим собственным – вот тот остов профессиональной этики управляющих, который транслируется из поколения в поколение политиков и чиновников, обретая лишь сугубо внешние различия по сравнению со своими предшественниками.

Причем среди этих взглядов и представлений существует и тот внутренний стержень, к которому редуцируется вся совокупность смыслозначимых ценностей и ориентиров. Не требует доказательств, что важнейшим среди этих – говоря языком синергетиков – аттрактанторов, то есть наиважнейших внутренних принципов, притягивающих и цементирующих всю систему мировоззренческих и ролевых представлений профессиональной деятельности элитарных кругов, является тот “дьяволический инстинкт” (М. Бакунин), который превосходит по силе воздействия все иные ориентиры их профессионального поведения, а именно – власть. Ведь можно случайно обрести богатство, но управлять государством по принуждению невозможно. Поэтому стремление к власти – это и смысл, и иссушающая этих людей страсть, которая преобразует все их желания и помыслы, становясь духовным эпицентром и жизненного существования, и политического поведения подавляющего большинства представителей элитарных кругов.

Конечно, чисто теоретически концентрация культурных ориентаций на ценность власти может и не влечь за собой каких-либо перекосов в управленческой деятельности политико-административной элиты. Однако в жизни практически повсеместно приходится сталкиваться с тем, что опосредованная влечением к власти программатика профессиональной деятельности правящих слоев – по крайней мере в российском политическом пространстве – если не разрушает, то существеннейшим образом ограничивает внутреннюю сопричастность правящих слоев потребностям рядовых граждан общества. Причем усугубляющим такое отношение верхов к общесоциальным потребностям является и тот факт, что в силу культурного раскола общества в целом, объяснительные схемы власти у отечественных руководителей, как правило, усиливают вертикальное обособление и отчуждение их групповых интересов. Так что в нашем Отечестве, как справедливо отметил Р. Будон, если «... элита располагает излишком ресурсов», то она «... склонна растрачивать его на потребление, а не на инвестирование» [5, 99]. Естественно, что не в государственных, а в собственных интересах.

Такой стиль правления и власти предполагает отсутствие потребностей в поддержке идейных связей властвующих кругов с группами населения и, следовательно, в поддержании идеологических форм идентификации последних. В качестве управленческой формы такого порядка вещей выступает корпоративная система диагностики и выдвижения целей. Причем – и это вполне логично – чем дальше, тем больше правящие круги, дистанцируясь от внутренних нужд населения, начинают все больше ориентироваться на связи и приоритеты, заданные группами международного бизнеса, мировых элитарных кругов, что еще больше усиливает внешнеидеологический характер системы властвования и принятия решений.

Причем в настоящее время эгоизм верхов дополнительно подпитывается той духовной атмосферой, которая просто-таки начинена агрессивным стремлением экономически опаздывающих слоев любыми способами добиться материального благосостояния. Понятно, что в этих условиях популистская риторика властей и откровенное манипулирование общественным мнением, в конечном счете обесценивают идейное содержание государственно-административного регулирования, поощряя при этом дезинтеграционные процессы в обществе и снижая возможности согласованного с ним применения и использования механизмов власти.

Очень важно, что воспроизводство такого характера политических порядков поддерживает и общая направленность нынешних реформ режима. В целом они направлены на усиление прерогатив институтов исполнительной власти, а также изменение конфигурации – в основном – федеральной законодательной власти [6]. Последнее направление обеспечивается путем закрепления доминирующих позиций в политическом спектре структур центристского толка. Укрепление их позиций под прикрытием лозунга желанной стабильности закрепляет ведущее положение партий, представляющих интересы государственной бюрократии (причем в их органической связи с силами теневой экономики и коррупции). Поэтому в отличие от центризма западных обществ, представляющего интересы среднего класса, т.е. подавляющей части гражданского общества, российский центризм представляет собой способ политического самовыражения чиновничества, не заинтересованного ни в развитии подлинно равноправной рыночной динамики, ни в усилении режима законности, ни в реальной демократизации общества. По сути нынешний российский центризм – это главный институт стабильности, устранивший с политического рынка серьезные оппозиционные силы и течения.

Составной частью нынешней политики режима по «стабилизации» власти и общества являются и попытки усиления регуляции общественной активности населения, прежде всего в части проведения партийной реформы, управления

гражданскими организациями. Учитывая же стихийный характер массовой активности, такая линия на деле означает прямой подрыв базовых основ самоорганизации гражданского общества. Прямым выражением такой политики является и политика внеидеологической интеграции общества, легализация властью противоположных по смысловой направленности форм государственной символизации, ведущее к деформации идейных образов и моделей участия у целых поколений.

Критически оценивая сложившийся характер политического режима, нельзя не отметить не столько органического совпадения его базовых характеристик ведущим ценностям доминирующей традиционалистской субкультуры, сколько значительной активизации последних под влиянием осуществляемых преобразований. Ведь присущий сегодняшней власти тип политической риторики, объясняющий происходящие в обществе преобразования без идейных акцентов, по сути своей воплощает методику резонансной коммуникации (строящейся на активизации уже имеющихся у человека представлений [7, 110] и потому не может добиться перекодировки уже заданных культурных стандартов. Так что этот стиль коммуникации власти с обществом лишь консервирует культурные стандарты в политике. Он не в состоянии объяснить людям события в рамках того или иного идеологического концепта, сохраняя тем самым лишь способность заражать их примером разрешения аналогичных проблем, ограждая «от волнений и рискованных соблазнов мечты» [8, 129].

Причем характерно, что осознание властями последствий своей «пропагандистской» деятельности, провоцирующей усиление пассивной адаптации людей к политическим реалиям, понимание ими низкой самоорганизованности широких социальных аудиторий, еще больше снижает их уровень чувствительности к нуждам и запросам населения. (Даже такие факты вопиющего отношения властей к населению, как «вымерзание Приморья», не связаны ни с какой самокритичной деятельностью. В отставку лидеров региона отправляли, как известно, сверху. Да и то во многом это выглядело повышением проштрафившегося руководства).

Таким образом можно констатировать, что сложившаяся стабилизация помимо своих общесоциальных позитивных последствий одновременно закрепляет сложившейся внутренний разрыв российского политического процесса, способствует воспроизводству бюрократически-элитарного стиля правления. Рассуждая с точки зрения потребностей осовременивания российского социума, нельзя не признать, что такой тип стабилизации представляет собой довольно высокую цену за сбалансированность политических отношений. Ибо такая стабильность находится в обратной зависимости к развитию демократии. Более того, сохраняя и закрепляя деформированную систему представительства гражданских интересов эта стабильность и в перспективе способствует сокращению рассматриваемых обществом альтернатив и, как следствие, ведет к потере внутренних источников саморазвития власти и общества. В этом смысле можно констатировать, что страна обрела тот тип стабильности, который противоречит целям «развития» и «демократизации» [9, 3–4] и, как следствие, обрекает общество на медленное загнивание, вытеснение в группу государств «четвертого мира».

В образовавшемся культурно-политическом контексте стабильности практически невозможно увидеть источники самообновления культурных ориентаций широких социальных аудиторий, способных постепенно, изнутри разрушить данные властно-политические порядки. Имеющая место активность политических маргиналов способна создавать напряженность лишь на периферии политического пространства, в отдельных идущих к власти потоках. Однако, как показывает практика, эти элементы политической диффузии не оказывают влияние на систему организации власти.

Однако нельзя не отметить, что формирование социокультурных источников инициации политических элит все же иное. И здесь, думается, российское общество обладает определенным правом на политическую надежду. Конечно, теоретически можно надеяться, что в российском политическом пространстве способна появиться некая демократически ориентированная группировка, способная завоевать крепкие позиции во власти. Однако, столько же шансов и на то, что политический истеблишмент – используя общую социокультурную ориентацию новых лидеров – поглотит эту страту правящего класса, предотвратив серьезные подвижки в своей среде.

И, тем не менее, как нам видится, варианты появления инициативных, сориентированных на демократические проекты элитарных группировок все же присутствуют. И, прежде всего, основанием для такого рода изменений нам представляются уже отмеченные реформы режима. Несмотря на то, что они в краткосрочном и оперативном измерении де-факто воспроизводят основы как сложившегося политического порядка, так и культурного контекста, с точки зрения перспективы общественной эволюции ситуация совсем иная.

Думается, правда, что и противоборствующие этой линии группировки правящего класса также будут проявлять активность. Приглушение тенденций к демократизации общества и разрушению бюрократически-корпоративного элитизма безусловно будет опираться на спекуляции по поводу дестабилизации, бюрократический саботаж, использование информационных технологий, манипулирующих попытками политической презентации массовых интересов и настроений. Но даже эти – согласимся, весьма эффективные методики политического противоборства – не смогут (особенно в долгосрочной перспективе) превалировать над динамикой культурных стандартов, а главное – динамикой интересов как граждан, так и определенной части правящего класса.

Литература:

1. *Bealey F.* Stability and Crisis: Fears About Threats to Democracy // *European Journal of Political Research*, 1987. Vol. 15. № 6.
2. *Zimmerman E.* Government Stability in Six European Countries During the World Economic Crisis of the 1930s: Some Preliminary Considerations // *European Journal of Political Research*, 1987. Vol. 15. № 1.
3. *Green L.* Support for the System // *British Journal of Political Science*, 1985. Vol. 15. Part. 2.
4. *Макарычев А.С.* Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // *Полис*, 1998. № 1.
5. *Будон.* Место беспорядка. М., 1998.
6. См. напр.: *Медушевский А.Н.* Реконституализация и расширение полномочий исполнительной власти // *Россия в условиях трансформаций. Материалы историко-политологического семинара. Вып. 11, М., 2001*; *Соловьев А.И.* Основные этапы взаимодействия законодательной и исполнительной власти в постсоветской России. Доклады Центра Карнеги. М., 2001; *Федоров Ю.* Парламент в трансформационном процесс // *Россия политическая / Под ред. Л. Шевцовой. М., 1998* и др.
7. *Почепцов Г.Г.* Психологические войны. М., 2000.
8. *Барт Р.* Мифология. М., 1996.
9. *Jaworsky J.* Ukraine Stability and Instability // *McNair Paper 42, inns. August 1995.*